

МАТЬ

Нам досталась сердечная рана
Ориентир потерявших мужей,
Серповидные шрамы Афгана
На безбожных телах сыновей...

Лариса Васильева. 1989

Ах это вешее материнское сердце! Александра Ивановна заболела сразу после того, как Павлика отправили в Афганистан. Ее подлечили и попросили поработать в больничном отделении санитаркой:

– Выручите нас, а мы вас будем подлечивать: сына ждать еще долго.

Там, в больнице, мы с ней и познакомились.

Тревога не отпускала ее, хотя в письмах от сына не было ничего такого, что вселяло бы беспокойство: Павлик занимается строительством казармы, красит забор, охраняет мирный труд афганских рабочих. И командир Иван Кириченко, по словам Павлика, – человек хороший... Последнее письмо сулило скорую встречу: “Ура! До приказа остается 23 дня! Ждите! Ваш Павел. 3.IX.82”.

Помню день, когда и врач, и дежурная медсестра пришли на работу, сияя от радости: сыновья вернулись со службы.

– Скоро и мой Павлик придет, – тихо сказала Александра Ивановна.

А на следующий день А. И. Бесенкова не вышла на работу.

* * *

Письма, хранящиеся в семье Бесенковых, частично выстраивают трагическую хронику обстоятельств, приведших к смерти их сына.

“Здравствуйте, Александр Александрович и Александра Ивановна! Пишут вам и выражают свое соболезнование друзья Павла, которые на протяжении двух лет служили вместе с ним.

Дорогая Александра Ивановна, вместе с вашим сыном и нашим другом Павлом мы неоднократно ходили на выполнение боевых задач, и всегда Павел выполнял их на "отлично", за что не раз получал благодарности от командования части. И за знание своей воинской специальности, и за храбрость при обезвреживании взрывоопасных предметов, используемых мятежниками против военизированных колонн, он награжден нагрудным знаком "За разминирование", который повез вам Борис Ткаченко. Он скоро у вас будет.

Дорогая Александра Ивановна! Мы, друзья Павла, хотим вам сказать большое спасибо за вашего сына, он был хорошим другом, честным, добросовестным и очень веселым. Даже в то время, когда вроде бы и нельзя было смеяться, когда на душе у всех было тяжело, Павел брал гитару, пел и поднимал всем настроение. Вот таким был ваш сын, пока не умер от болезни брюшной тиф. Высылаем вам негативы, где запечатлены Павел и его друзья, и адрес его лучшего друга Бориса Ткаченко. Декабрь. 1982 г."

"Уважаемые родители рядового Павла Бесенкова! В ответ на ваше письмо об обстоятельствах смерти вашего сына сообщаю, что он 17.XI.82 г. поступил в госпиталь, 19.XI.82 г. переведен в хирургическое отделение с диагнозом: перфорация язв кишечника, разлитой перитонит. Ему сразу же была сделана операция, которая длилась четыре часа. Сделано все возможное, но спасти П. А. Бесенкова не удалось. Заместитель командира части (подпись). 10.03.83".

"В ответ на ваш запрос сообщаем... Заболевание протекало в крайне тяжелой форме с высокой лихорадкой до 41 градуса, выраженной интоксикацией организма... На вторые сутки пребывания в госпитале болезнь получила крайне опасное осложнение. Несмотря на комплексное лечение в реанимационном отделении госпиталя, состояние больного продолжало ухудшаться. 23.XI.82 г. рядовой Бесенков П. А. повторно оперирован. Несмотря на усилия бригады врачей-реаниматоров, 24.XI.82 г. в 22 часа 10 минут наступила смерть. Имело место полное совпадение клинического и анатомического диагнозов. Случай смерти Бесенкова П. А. разобран комиссией по изучению летальных исходов. Дефектов в оказании помощи больному не выявлено.

Дорогие мать и отец Бесенкова Павла. Мы сделали все возможное. Заместитель командира по политической части Кельнов, начальник медчасти подполковник Устьянский. 28.10.83 г.”

“Уважаемая Александра Ивановна! Мы случайно получили ваше письмо. Вы нашим офицерам не пишете, они все новые и ничего о Павле не знают. А мы с ним служили недолго. Он заболел, но никто не знал, чем. Долго лежал в палатке, из санчасти ему давали таблетки. Потом его отправили в инфекционное отделение, сказали, что брюшной тиф. А через три дня нам сообщили, что Паша умер. Мы считаем, что болезнь была запущена, организм был истощен... А об Иване Кириченко сообщаем, что он был самым лучшим офицером в роте, отличный парень, он всегда был с солдатами”.

* * *

Однажды командир взвода Иван Кириченко застрял с саперами на минном поле до вечера. Быстро опустилась черная южная ночь. Нечего было и помышлять о выходе с поля. Они просидели там до рассвета, опасаясь сделать лишнее движение. А утром, когда вернулись в часть, командир взвода сказал: “Вы думаете, если я офицер, то мне не было страшно? Нет, я из такого же теста, что и вы”.

Он оставался живым, этот молодой, красивый лейтенант из Хмельницкой области, пока длинный стальной щуп держали в руках такие надежные и уже опытные саперы, как Павел Бесенков. Потому им и пришлось служить дольше положенного срока, что пополнение прибывало неопытное. А моджахеды, обученные иностранными специалистами в особых центрах подготовки и военизированных лагерях, расположенных на территории сопредельных стран, минную войну вели коварно и умело. Внешние силы поставляли мятежникам огромное количество “взрывоопасных предметов” — от мощных двухсотпятидесятикилограммовых фугасов с дистанционным управлением до мин в пластмассовом корпусе, которые срабатывали после нескольких нажатий на крышку... И как только “стариков” не стало и в рейды пришлось ходить с новичками, Иван Кириченко погиб. Одновременно с ним подорвались на минах еще одиннадцать человек.

Но об этом и многом другом мать узнает позднее, когда обедеет друзей своего сына, побывает в Ленинграде, на Украине и в Белоруссии, узнает, что не строительство полигона и не посадка Аллей дружбы были главным делом сына. У командира второго саперного отделения П. А. Бесеикова была крайне опасная служба. Сапер ошибается один раз. Павлик не ошибся ни разу.

Почему же ему позволили умереть от болезни?

* * *

Пришел из части почтовый перевод на 63 рубля, которые не успели, видимо, выплатить сыну. На обороте бланка торопливая надпись: почтовый сбор 1-20. Хорошо, удержали, но надо ли об этом сообщать? В такой-то час?

Вот в руках матери, наконец, награда сына: нагрудный знак "За разминирование" и удостоверение к нему. В удостоверении написано, что оно "выдано рядовому Бесенко Петру Андреевичу". Чья равнодушная рука выписывала этот документ, полностью переврав имя, фамилию, отчество?

Три инфаркта перенес после гибели сына отец. Стал инвалидом второй группы. Но перед направлением на ВТЭК врачи говорили: "Зачем вам это? Все равно уже на пенсию по возрасту выходите..." Подозревали в корыстных умыслах? Хотя ни на один рубль выше пенсия в результате инвалидности не стала. Написал в областной отдел социального обеспечения с просьбой перечислять деньги на лицевой счет. Указал номер счета и сберкассы. Три месяца напрасно ждал денег, а когда начал разбираться в этой волоките, то выяснилось: их шлют в совсем другую сберкассу, на другой конец города.

Долгое время родители не имели никаких прав на благоустройство могилы сына. Сердце сжималось при виде временных, покрытых охрой "коробух", которые потом заменили тонкими мраморными плитами. Отец пришел на кладбище как раз тогда, когда эти плиты укладывали, а края могилы обкладывали зеленым дерном. Попросил работавших поплотнее положить дерн. "Подумаешь, какие Александры Матросовы тут лежат", - отозвалась женщина-мастер, руководившая работами.

Не выдержали Бесенковы такой черствости, сами поставили памятник. И получили выволочку "за самоуправство на государственном мемориальном кладбище".

Многое рассказали Александре Ивановне друзья Павла о ее сыне. Но так и не получила она ответа на мучивший ее вопрос: почему Павлу дали умереть от болезни? Как случилось, что он попал в госпиталь за неделю до смерти, в безнадежном почти состоянии? Парни уходили от вопросов, отмалчивались или переводили разговор на общие темы нелегкой службы в Афганистане.

Один из “афганцев”, недолго пробывший рядом с Павлом, кажется, в учебке, рассказал, как они однажды встретились в горах Афгана. В ущелье произошло кровопролитное сражение. Погибли десятки наших. Большая группа солдат, в которой был и Павел Бесенков, возвращалась с места боя, неся на себе под знойным южным солнцем тела погибших товарищей. “Я не сразу узнал его, почерневшего, осунувшегося. Слов не было. Мы постояли несколько секунд, посмотрели в глаза друг другу и молча разошлись. Каждый своей дорогой”.

От встречи к встрече мать становилась все сильнее и тверже. К личному горю прибавилась боль за этих оставшихся в живых, но таких неустроенных, покалеченных физически или подорванных морально парней.

Город Хмельницкий. Здесь в частном доме, в одной тесной, грязной комнате она увидела девятнадцать поставленных коек. Хозяйка с приездом гостыи кинулась подметать, менять на кроватях белье. Но ни светлее, ни уютнее общага вследствие этого не стала. Одну из коек занимал Сергей Глушков. Тот самый, который сопровождал гроб с телом Павла в Череповец. У Сергея тогда сильно болела простреленная нога. Болела и теперь. Переночевав в доме, Александра Ивановна пошла на другой день к руководству предприятия, где работал Сергей, и не отступилась, пока не получила обещания, что парню дадут место в заводском общежитии.

Небольшой городок все той же Хмельницкой области. В печальный день прибыла сюда мать. Родные и близкие собрались на годовщину гибели Ивана Кириченко. Взводный не рассказывал своим подчиненным о семье, и у ребят сложилось впечатление, что у командира никого нет. А оказалось — родители и шестеро братьев и сестер. И эти восемь человек, потерявшие сына и брата, теснились в небольшой трехкомнатной квартире без элементарных удобств.

Взорвалась гневом. Пошла в исполком. Прорвала осаду тех, чья главная обязанность говорить: “Занят, принять не может”. Потребовала квартиру для семьи погибшего воина. А когда услышала в ответ упреки в бесцеремонности и сакраментальное: “Не мешайте работать”,— объявила ультиматум:

— Если вы не выделите этой семье нормальное жилье, я разошлю телеграммы всем ребятам, которые служили с Иваном Кириченко, и они съедутся сюда и встанут стеной перед вашим подъездом.

Память о погибшем сыне придала Матери силы. И все, что она делала для его друзей и родственников погибших его сослуживцев,— все это было данью сыну. Перед ней закрывали двери, выгоняли из кабинетов, а она стучалась вновь. Только это как-то утешало страдавшееся сердце.

* * *

Через год или полтора после гибели Павлика я встретила А. И. Бесенкову на улице и едва узнала ее — настолько изменилась эта женщина. Потемнела лицом, осунулась, во взгляде — непримиримость. Она рассказала о своих поездках:

— Что еще можно сделать?

— Поберегите себя, Александра Ивановна, скоро о вашем сыне и о таких, как он, будут говорить открыто, расскажут об их службе, поставят им памятники,— сказала я тогда Матери.

Это время наступает..

Л. Мамченко